

Пенской В. В., Полухин О. Н., Борисов С. Н., Дмитраков Р. А.

ВСАДНИК НА БЛЕДНОМ КОНЕ: ЧУМА ИВАНА ГРОЗНОГО

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», 308000, г. Белгород

Эпидемии с древнейших времен оказывают серьезное влияние на процессы, протекающие в различных сферах жизни человеческого общества, что не могло не привлечь внимание историков к этому биологическому феномену и его изучению. Немало исследований посвящено крупнейшим эпидемиям, например знаменитой «черной смерти» середины XIV в. Вместе с тем далеко не все подобного рода события получили должное освещение в исторической литературе. Среди малоизученных и практически неизвестных выделяется моровое повейрие — чума, которая поразила Русское государство во 2-й половине 60-х — начала 70-х годов XVI в. В статье авторы рассматривают это событие, показывают его происхождение, временные и географические рамки, а также анализируют его последствия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : раннее Новое время; эпидемии; чума; Россия; Иван Грозный.

Для цитирования: Пенской В. В., Полухин О. Н., Борисов С. Н., Дмитраков Р. А. Всадник на бледном коне: чума Ивана Грозного. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021;29(1):173—179. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-173-179>

Для корреспонденции: Пенской Виталий Викторович, д-р исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного научно-исследовательского университета, e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Penskoy V. V., Polukhin O. N., Borisov S. N., Dmitrakov R. A.

THE HORSEMAN ON PALE HORSE: THE PLAGUE OF IVAN THE TERRIBLE

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «The Belgorod State National Research Institute», 308009, Belgorod, Russia

Since the ancient times, epidemics affect the processes proceeding in various spheres of life of human society. Hence, steadfast attention of historians to this biological phenomenon and its investigation. Quite a lot of research studies is devoted to the first-rate epidemics, for instance, the famous «Black Death» in the middle of XIV century. At the same time, far from all such occurrences were properly interpreted in historical literature. Among little-studied and factually unknown epidemics, the pestilence, the plague, that struck the Russian state in the second half of 60s-early 70s of XVI century, stands out for. The article considers this occurrence, demonstrates its origin, time and geographical limits and also analyzes its consequences.

К е y o r d s : Early Modern; epidemics; plague; Russia; Ivan the Terrible.

For citation: Penskoy V. V., Polukhin O. N., Borisov S. N., Dmitrakov R. A. The horseman on pale horse: the plague of Ivan the Terrible. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*. 2021;29(1):173—179 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-173-179>

For correspondence: Penskoy V. V., doctor of historical sciences, associate professor, professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «The Belgorod State National Research Institute». e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support.

Received 02.07.2020

Accepted 29.10.2020

«И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя „смерть“...»

Откровение Иоанна Богослова

С середины XIV в., когда пришедшая с Востока «черная смерть» опустошила Европу, чума надолго стала важным фактором общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни субконтинента. Волны эпидемии, с завидной регулярностью прокатывавшиеся то по одному региону, то по другому, а то и по всему европейскому миру, не давали забыть о своем присутствии вплоть до начала XIX в. При этом стоит заметить, что в памяти современников и потомков оказались запечатлены и подвергнуты изучению далеко не все эпидемии. Наибольший эффект произвела первая волна — равной по своему сокрушительному воздействию на социум эпидемии Европа долго не знала ни до, ни после

«черной смерти», несколько меньший — эпидемии Нового времени. Это было связано, с одной стороны, с развитием медицинских знаний и науки в целом, с другой — с лучшей сохранностью источников, не только нарративных, но и документальных. Этого нельзя сказать об эпидемиях позднего Средневековья — раннего Нового времени. К числу таких малоизвестных «Божьих пришествий» можно отнести и эпидемию чумы, которая в конце 60-х — начале 70-х годов XVI в. истребляла население Русского государства и стала той самой последней соломинкой, которая переломила хребет верблюда, запустила механизм острого социально-экономического и политического кризиса в стране и не позволила Ивану Гроз-

ному довести до победного завершения войну, начавшуюся в 1558 г. вторжением русских войск в Ливонию.

Изучение проблем, связанных с историей древних эпидемий и их влиянием на развитие человеческого общества, любопытно и интересно не только с медицинской точки зрения. Не будем забывать о том, что древние общества (под ними мы понимаем в первую очередь те социумы, которые американский философ и культуролог Э. Тоффлер отнес к цивилизациям «первой волны») [1, с. 32—33, 39, 40], представляли собой общества аграрные, сельские, в которых и материальное, и интеллектуальное производство базировалось на мускульной силе человека и домашних животных и развивалось преимущественно в экстенсивном направлении. И когда Л. Н. Гумилев писал о том, что «как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы...» [2, с. 8], то к цивилизациям «первой волны» это относилось в особенной степени.

В самом деле, сельскохозяйственное производство, основа и несущий столб их экономики, как никакое другое зависит от природно-климатических условий и от тех перемен, которые происходят с ними. Малейший сбой, вызванный природной аномалией, здесь влечет за собой негативные последствия не только для отдельных людей, но и для всего сообщества, и ситуация очень быстро может принять катастрофический оборот, особенно если эти природные аномалии усугубляются в результате действий самих людей. При этом не стоит забывать и о том, что скорейшему восстановлению экономики как фундамента, на котором выстраивалось здание социума, препятствовало также традиционное мышление общества «первой волны» как общества «холодного», консервативного, с подозрением относящегося к новшествам [3, с. 439]. Это общество отнюдь не было настроено на расширенное воспроизводство. Напротив, генеральной его идеей было стремление производить ровно столько, сколько необходимо для обеспечения минимального уровня повседневного комфорта и выживания.

В результате убыль населения и рабочего скота, вызванная эпидемиями и эпизоотиями, голодом и войной, неизбежно вела в таком обществе к запустению земель, падению производства в аграрном секторе экономики, а следом и к общему экономическому, социальному и политическому кризисам. «Экономические кризисы докапиталистических формаций всегда были кризисами недопроизводства, беспощадно сказывающимися на состоянии производственных сил страны», — писала по этому поводу отечественный исследователь Е. И. Колычева. Развивая свой тезис дальше, применительно к России времен Ивана Грозного, она отмечала, что в условиях перенапряжения хозяйства страны в экстремальной ситуации «любое достаточно обширное бедствие, разразившееся в условиях военного времени на большей части территории России, должно было окончательно подорвать государственную экономи-

ку, вызвав трудно обратимые последствия», и вогнать хозяйство в глубочайшую депрессию, выход из которой мог растянуться на десятилетия [4, с. 172, 178].

Собственно говоря, именно это и случилось в России во 2-й половине 60-х годов XVI в. Но вот что любопытно: в рассуждениях историков что XIX, что XX в. о причинах этого кризиса на первое место неизменно выступал субъективный фактор. «Никакая почва, никакой климат, никакое усовершенствование системы хозяйства не могли парализовать разрушительного влияния таких общественных условий», которые вели к массовому бегству крестьян и запустению земель со всеми вытекающим отсюда последствиями, считал П. А. Соколовский [5, с. 173]. Ему вторил О. Н. Яницкий, который видел причины экономической разрухи на русском Северо-Западе в конце 60-х — начала 80-х годов XVI в. не в колонизации новооткрытых черноземных земель на юге, не в пороках, присущих помещичьей системе, и не в побочных явлениях, вроде войны, недородов, мора (выделено нами.— Авт.), но в реальном повышении крестьянского оброка, перевода натурального оброка в денежный вкупе с закрытием «окна в Европу» и начавшейся сменой хозяйства натурального на хозяйство денежное [6, с. 131].

Б. Д. Греков, один из основоположников советской историографии, в классической работе «Крестьяне на Руси» пришел к выводу о том, что первопричиной катастрофического по своим размерам хозяйственного кризиса 70-х — 80-х годов XVI в. стали, с одной стороны, войны, которые вел Иван Грозный, а с другой — борьба земщины с опричниной [7, с. 245]. «Налоги непомерно увеличились, потому что шла тяжелая война, что уменьшение запашки — вследствие обеднения и разброда населения — вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошла моровое поветрие и смерть», — писал историк [7, с. 243]. В известной степени с ним солидаризировался А. А. Зимин, сделавший упор на рост податей и повинностей крестьян, на который наложились неблагоприятные внешние обстоятельства (опричнина, война, мор и голод) [8, с. 20]. С. М. Каштанов первопричину кризиса видел в стремлении вотчинников и помещиков выжать из своих владений возможно больший доход (в этом он повторил вывод, сделанный П. А. Соколовским, О. Н. Яницким и рядом других дореволюционных исследователей) [9, с. 114—5; 6, с. 131].

Нельзя не отметить и прохладное отношение к истории эпидемии чумы, которая обрушилась на Русское государство и общество во 2-й половине 60-х — начале 70-х годов XVI в., со стороны историков отечественной медицины. Специального исследования, посвященного этой эпидемии, нет и по сей день, а сама она проходит на страницах сочинений, посвященных истории медицины и болезней в России, мимоходом, едва ли не петитом, причем это касается в равной степени дореволюционного времени, и советского, и постсоветского. Достаточно обратиться к классической работе В. Эккермана «Мате-

История медицины

риалы для истории медицины в России». Описание эпидемии здесь, едва ли не самое подробное в дореволюционной историографии, уместилось меньше чем на полутора страницах [10, с. 43—4]. Практически ничем в этом отношении не отличается от нее и работа Ф.А. Дёрбека «История чумных эпидемий в России от основания государства до настоящего времени», увидевшая свет спустя 20 лет, в 1905 г. В ней серия значимых по масштабам и последствиями чумных эпидемий в России позднего Средневековья — раннего Нового времени вмещены в одну небольшую (полтора десятка страниц) главу [11, с. 26—41].

Не изменилась к лучшему ситуация и после 1917 г. В известной работе К. Г. Васильева и А. Е. Сегала «История эпидемий в России», опубликованной в 1960 г., анализу эпидемии 2-й половины 60-х — начала 70-х годов XVI в. и ее последствий отведено даже менее одной страницы, причем в изложении авторов она предстает как цепочка не связанных друг с другом эпизодов [12, с. 43]. Точно так же в духе «медицинской истории» выдержаны и соответствующие страницы в современных «Очерках истории чумы» М.В. и Н. С. Супотницких [13, с. 67, 69, 136]. Так что сказанные еще в 1987 г. слова Е. И. Колычевой, отмечавшей, что «в литературе как исторической, так и медицинской данное событие... отражено крайне скудно: неизвестен ни ареал распространения „мора“, ни его хронологические рамки, ни масштабы последствий. Неясна и этиология эпидемии» [4, с. 178], сохраняют свое значение и сегодня. Следовательно, есть смысл вернуться к этой проблеме снова и попытаться ответить на вопросы, заданные историком, очертив временные и географические рамки эпидемии, и охарактеризовать ее последствия.

Санитарно-эпидемиологическую обстановку на северо-западе Русского государства середины XVI в. нельзя назвать благополучной. Начало 50-х годов запомнилось во Пскове и в Новгороде «Божьим посещением», принесшим массовую смертность. Первым мором был поражен осенью 1551 г. Псков. Всего за два месяца, октябрь и ноябрь, эпидемия унесла с собой 7,5 тыс. псковичей. Общее же число умерших от болезни в течение года неизвестный псковский книжник оценивал в 7,5 тыс., добавив к этому, что ему неизвестно, сколько умерло и было захоронено обычным порядком, не в братских могилах-скудельницах [14, с. 253]. Новгородские власти, напуганные размахом псковской эпидемии, попытались отгородиться от Пскова, потребовав в октябре 1551 г. от псковских купцов-гостей немедленно покинуть город, угрожая в противном случае сжечь их вместе с их товарами [15, с. 180]. Эти суровые карантинные меры, к сожалению, не помогли, эпидемия перекинулась и на Новгород. По сообщению Львовской летописи, за 2 года, 7061 и 7062 (1552—1553 и 1553—1554), на Псковщине и Новгородчине умерло от мора 500 тыс. человек [16, с. 538]. Цифра эта, безусловно, сильно преувеличена книжником (для достижения пущего эффекта), однако не подлежит сомнению, что урон,

понесенный русским Северо-Западом в эти два года, был весьма ощутимым. Можно также предположить, что эта эпидемия затронула не только Псков и Новгород, но дотянулась и до Москвы. Во всяком случае загадочная болезнь, от которой едва не умер Иван Грозный в 1553 г., может быть связана именно с этим «мором».

Последующее десятилетие было относительно спокойным. Летописцы не сообщают о каких-либо крупных, сопровождавшихся массовой смертностью эпидемиях ни в 50-х, ни в начале 60-х годов. Мор бушует в Крыму, в Ногайской Орде, но минует стороной Русскую землю. Это затишье продолжалось недолго. Псковский летописец сообщал своим читателям, что в 1564 г. в городе разразилась эпидемия и «бысть мор, и много людеи мерло и дети боярских...» [14, с. 244]. Похоже, что эта болезнь была связана с той волной моровой язвы, которая прокатилась по Западной Европе в 1564—1566 гг. Завезенная в Европу из Венгрии, где шла война с турками, чума затронула Испанию, Францию, Англию, Швейцарию и Германию, а оттуда перекинулась в Польшу и Литву. Польский хронист М. Стрыйковский объяснял неудачу предпринятого осенью 1564 г. литовским наивысшим гетманом Н. Радзивиллом Рыжим похода на Полоцк тем, что из-за моровой язвы, поразившей Великое княжество Литовское, оказалось невозможным доставить осадный парк из Вильно под Полоцк [17, с. 414] и гетман был вынужден, не имея тяжелой артиллерии, отступить. Ответный ход русских последовал в скором времени, и русские полки в ноябре того же года осадили и взяли литовскую крепость Озерища. Нельзя исключить того, что вместе со взятыми пленными болезнь попала в Полоцк, где и развернулась в полную силу спустя некоторое время. «Того же лета (7064 или 1565/1566), тое же осени, был мор в Полоцку, много людеи вымерло, а архиепископ Трифон преставися полоцкою, и был мор о Николина дни до осеняго (до 6 декабря.— Авт.), да престал», — записал псковский летописец [14, с. 248].

Эта трагедия стала своеобразной прелюдией к еще более страшной и опустошительной эпидемии. По весне следующего, 1566 г., мор перекинулся на Озерища, занятые русским гарнизоном. «И вымерло много, мало осталось», — сообщал своим читателям неизвестный псковский книжник, добавляя к этому, что из Озерищ «прииде мор в Луки и в Торопец и в Смоленско и по многим местом гнев божий был велик» [14, с. 248]. Лебедевская летопись добавляла к этому известию, что «на Невле, на Луках Великих, в Торопце, и многие люди знаменем умирали; в Полотцку же и в Торопце на посадах и в уезде попы вымерли и не было кому и мертвых погребати; а посыланы попы в те города из ыных городов...» [18, с. 252]. В сентябре 1566 г. эпидемия объявилась уже по всему пограничью — от Новгорода до Смоленска. Сперва в Москву к Ивану Грозному прибыло известие, что «Сентября в 1 день в Можайску на Добрейском яму явилось лихое поветрее: умирали люди знаменем» [19, с. 404]. Прошло еще несколько дней,

и в столицу пришла новая дурная весть: мор объявился в Новгороде: «Того же месяца Сентября в 10 день писал к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси из Великого Новгорода Пимин архиепископ Великого Новгорода и Пскова, что в Великом Новгороде появилось лихое поветрие на посаде на штинадцати улицах, многие люди умирают знаменем». Вслед за Новгородом эпидемия объявилась в Смоленске: «...писали из Смоленска владыка Семион да боярин Петр Васильевич Морозов с товарищи, что Сентября месяца появилось лихое поветрие, в городе в Смоленску и на посаде, умирают многие люди знаменем» [19, с. 404].

Из этих летописных известий (а они были основаны, как видно из текста, на подлинных воеводских «отписках» с мест) хорошо видно, где и когда началась эпидемия, какие города и уезды были ею затронуты в первую очередь и куда она двинулась дальше. Последствия этой, как оказалось позднее, первой волны эпидемии были очень сильны. В Смоленске, если верить летописцу, поветрие длилось до марта месяца следующего года, и, как отмечал он, «таково же Божие посещение было в городе и на посаде, что вымерли от священнического и иноческого чину и посадские люди с женами и с детьми и боярские люди, безчисленно их померло, и многие дома затворились и церкви многие без пения были; также и в уезде поветрее было немало» [19, с. 404]. Если верить составителю Вологодской летописи, то в Смоленске тогда вымерло больше половины населения [20, с. 173]. В Новгороде мор бушевал 8 месяцев, утихнув лишь к 1 мая следующего года, нанес огромный урон, и данные писцовых книг позволяют представить размеры его. Так, в самом Новгороде, на Софийской стороне, в 7075 (1566—1567) г. запустело 45 дворов из 196, оставшихся без хозяев с 7060 по 7084 г. (подсчитано автором по [21]). В составленной в 7081 (1572—1573) г. писцовой же книге дворцового села Паозерье с деревнями, которое находилось в новгородской Шелонской пятине, было отмечено что за два десятка лет здесь запустело 136 деревень. При этом составители писцовой книги, указывая причины, по которым была брошена та или иная деревенька, отметили, что 53 запустели от мора, причем 34 из них — именно в 7075 (1566—1567) г. (еще две были указаны как брошенные в том же 7075 г., но без указания причины; подсчитано автором по [22]).

Тревожные известия, поступавшие в Москву с «ливонской» и «литовской» «украин», побудили правительством Ивана Грозного принять жесткие карантинные меры по пресечению дальнейшего распространения эпидемии: «Государь царь и великий князь заставу и сторожу велел кругом того места учинити крепкую, и с тех мест никаких людей в Москве и в Московские города пропускати не велел» [19, с. 404]. Эти меры, похоже, дали результат, и в следующем, 7076 г., болезнь начала убывать. Старец Иосифо-Волоколамского монастыря Игнатий Зайцев зафиксировал это в своем летописчике: «Лета 7076 был мор да не велик» [22, 23]. Однако надежды на то, что эпидемия пошла на спад, оказались тщет-

ны, затишье 1567—1568 гг. оказалось затишьем перед новой бурей.

Вторая волна болезни пришлась на 7077 г. Игнатий Зайцев, продолжая в своей келье фиксировать важнейшие, на его взгляд, события, записал, что в этом году «на Москве и по многим городом мор был велик. В Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и швальей много вымерло» [21, 23]. Не прекратилось моровое поветрие и в следующем, 7078 (1569—1570) г. Другой монах, соловецкий старец Петр Ловушка, под этим годом в своем летописце отметил, что «того же году был мор великой во всю землю Рускую» [24, с. 236]. Судя по тому что в Новгороде, на Софийской стороне, в этом году запустело 40 дворов (против 45 тремя годами ранее; подсчитано автором по [21]), размах и смертоносность эпидемии во время второй волны болезни были лишь немногим меньше, чем в первую волну. Не исключено, что от болезни скончались в этом году и две жены Ивана Грозного — Мария Темрюковна и Марфа Собакина.

Третья волна чумы началась в 7079 г., размах ее на этот раз, судя по сохранившимся свидетельствам современников, превзошел предыдущие две. Так, о масштабе эпидемии в Новгороде осенью 1570 г. наглядно свидетельствует летописная запись. Согласно ее сведениям, «сентября в 20 день в неделю за городом у Рожества Христова на Поле всем Новым Городом всими семи соборы отпевал умерших над скудельницею, и загребли скудельницу, а душ в той скудельнице 10 тысяч...» [15, с. 159, 196]. Сильный удар чумы испытала на себе и столица Русского государства. По словам немецкого авантюриста А. Шлихтинга, летом-осенью 1570 г. в ней ежедневно умирало от болезни по 600, а то и больше, до 1 тыс., человек [25, с. 375]. Другой немец, Г. Штаден, позднее писал о том, что для захоронения умерших от эпидемии по указанию московских градских властей «вокруг города Москвы в поле вырыли большие канавы и скидывали туда мертвых без гробов — 200, 300, 400, 500 — в одну кучу» [26, с. 123]. О размерах потерь в Москве от эпидемии косвенно говорят цифры переселенных по царскому указу в столицу новгородцев и псковичей: первых было полтора ста семей, вторых — пятьсот [15, с. 205]. Если для восполнения потерь среди столичной торговой элиты потребовалось переселить в город 650 семей из двух крупнейших городов русского Северо-Запада (не исключено, что этим массовым переселением дело не ограничилось), то можно представить, насколько велики были потери среди московского «черного» люда.

Серьезный урон понесли и другие города и уезды России. Так, в Устюге, согласно летописи, в 7079 г. «от прыща и железы» «на посаде померло, скажут, 12 000, опроче прихожих» [27, с. 103]. Монахи Троице-Сергиевой лавры жаловались Ивану Грозному в марте 1571 г., что в их вотчинах «крестьяня от глада и от поветрея вымерли», и осталось тех крестьян «во всей Троецкой вотчине... ни трицатого жеребья» [28, с. 160].

О размахе эпидемии, поразившей большую часть территории Русского государства, свидетельствуют и материалы дипломатической переписки. Так, в крымских посольских делах сохранилась запись слов сына боярского Кудеяра Тишенкова, перебежавшего на сторону крымского хана. В мае 1571 г. Тишенков заявил Девлет-Гирею I, что «на Москве и во всех московских городех *по два года была меженина великая и мор великой* (т. е. начиная с 1569 г.— Авт.), и мором де и межениною служивые многие люди и чернь в городех на посадах и в уездех вымерли», а потому хан со своим воинством может безбоязненно идти на русскую столицу [29, с. 76].

Пытаясь уменьшить размах морового поветрия и сократить смертность от болезни, правительство Ивана Грозного предпринимает жесткие карантинные меры. В том же Новгороде по приказу властей «поставили заставу по улицам и сторожей, в которой улице человек умрет знаменем и те дворы запирали и с людьми и корьмили тех людеи улицею». При этом было строжайшим образом запрещено священникам тех людей «покаивати», в противном же случае, если кто-то из них нарушил бы это запрет, «ино тех священников велели жещи с теми же людьми з болными». Умерших же от болезни было приказано не погребать на церковных кладбищах в городе, но «из Новагорода вынести вон за город в деревню на Водопьянова за шесть верст по Волхово вниз, Спасского монастыря Хутынского не доеждаючи за версту» [15, с. 159].

О характере карантинных мер можно судить также из переписки Ивана Грозного с костромскими воеводами князем М. Ф. Гвоздевым и братьями Дмитрием и Даниилом Салтыковыми. Отправив их в начале 7080 г. в Кострому на годованье, царь в лично продиктованной грамоте, адресованной воеводам, требовал от них отчета в том, какие меры они предприняли для прекращения распространения заболевания в городе и предоставления в столицу соответствующей статистики. «И как к вам ся наша грамота придет и вы б отписали подлинно,— отписывал царь своим костромским наместникам,— наборзе: ужли на Костроме, на посаде и в уезде от поветрея тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишать?» Если же оказывалось, что эпидемия и не думала затихать, царским указом им предписывалось продолжить жесткие карантинные меры, порядок которых был также подробно расписан в грамоте: «А буде от поветрея не тишеять, и вы б однолично поветренныя места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в неповетренные места не ездили ништо, никакое человек, некоторыми делы». В противном случае, ежели воеводы не исполнят свои обязанности, Иван угрожал им жестоким наказанием: «А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожжеными» [30, с. 429]. Кстати, судя по царской грамоте, датируемой 22 октября 1571 г., воеводы отписали спустя несколько дней в Москву, что в Костроме «поветрие мало тишеет, да и в Костромском уезде поветрее

ест же», на что царь приказал им не снимать карантин и продолжать запирасть дворы с заболевшими [31, с. 267].

Начавшись осенью 1565 г., моровое поветрие, занесенное в Русское государство, видимо, из Великого княжества Литовского, сперва затронуло города и уезды, расположенные по литовской и немецкой «украинам» — вдоль границы с Литвой и Ливонией. Первыми под удар эпидемии попали Смоленск, Полоцк, Новгород и соседние с ними города северо-запада России. Принятые властями жесткие карантинные меры, казалось, возымели действие, и осенью 1567 г. болезнь пошла на спад. Однако осенью 1568 г. началась вторая, а за ней, осенью 1570 г., третья волна чумы (в том, что это была именно чума, причем в бубонной форме, мы не сомневаемся). Преодолев карантинные заграждения, болезнь быстро распространилась практически по всей территории Русского государства и продолжала бушевать до поздней осени — зимы 1571—1572 гг., после чего прекратилась (во всяком случае, сохранившиеся источники ничего не говорят о ее продолжении в 1572 г.).

Каковы были ее последствия? Можно предположить, что чума и следовавший за нею голод истребили в разных местностях от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ населения, причем города пострадали сильнее, чем сельская местность [4, с. 180]. Мор и голод, действуя рука об руку, вогнали экономику сначала русского Северо-Запада и запада, а затем и центральных уездов страны в глубокий кризис, за которым последовала долгая депрессия. Стоит согласиться с мнением Е. И. Колычевой, которая писала, что «эпидемия изменила половозрастной состав населения, породила большое количество неполных и бездетных семей, нарушила родственно-соседские связи в деревне и тем самым привела к деформации общины». И далее она продолжала, что «неполная семья, лишенная частично или полностью взрослых мужских рук и помощи соседей, была не в состоянии распахать надел в прежнем объеме», а «наиболее молодые и сильные, не обремененные детьми, уходят в другие края, за пределы уезда». В результате «нарушение нормального воспроизводства населения привело к тому, что *нарастание экономического кризиса на какой-то период стало необратимым* (курсив наш.— Авт.) [4, с. 187]. Подорванная войной, эпидемией и голодом экономика страны уже не могла и дальше снабжать власти необходимыми ресурсами и средствами для продолжения активной и успешной внешней политики, что в итоге и привело к неудачному завершению войны на западном и северо-западном направлениях, известной под названием Ливонской.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ; 2004. 781 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс; Рольф; 2001. С. 560.
3. Леви Стросс К. Неприрученная мысль. Тотемизм сегодня. М.: Академический проект; 2008. С. 143—501.

REFERENCES

- Kolycheva E. I. Agrarian system of Russia XVI century. M.: Nauka; 1987. 229 p.
- Sokolovskij P. A. Economic life of the agricultural population of Russia and the colonization of the southeastern steppes before serfdom. SPb.: Tip. F. S. Sushchinskogo; 1878.
- Yanicckij O. N. Economic crisis in Novgorodskaya oblast' XVI century (from the manuscripts). Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira; 1915. 131 p.
- Grekov B. D. Peasants in Russia from the earliest times to the XVII century. Kn. 2. M.: AN SSSR; 1954. 470 p.
- Zimin A. A. «Economic crisis» 60—70s of the XVI century and the Russian peasantry. M.: Materialy po istorii sel'skogo khozyajstva i krest'yanstva SSSR. T. V. M.; 1962.
- Kashanov S. M. On the study of the oprichnina of Ivan the Terrible. *Istoriya SSSR*. 1963;(2):96—117.
- Ekkerman V. Materials for the history of medicine in Russia (History of epidemics X—XVIII centuries). Kazan': tipografiya V. M. Klyuchnikova; 1884. 55 p.
- Dyorbek F. A. History of plague epidemics in Russia from the founding of the state to the present. SPb.: Tipografiya Ya. Trej; 1905. 385 p.
- Vasil'ev K. G., Segal A. E. History of epidemics in Russia (Materials and essays). M.: Gos. izd-vo medicinskoj literatury; 1960. 397 p.
- Supotnickij M. V., Supotnickaja N. S. Essays on the history of the plague. In 2 books. Kn. 1. Plague of the pre-bacteriological period. M.: Vuzovskaya kniga; 2006. 468 p.
- Pskovskaya 3-ya letopis'. Complete collection of Russian chronicles. T. V. M.: Yazyki russkoj kul'tury; 2000. S. 78—250.
- Novgorodskaya vtoraja letopis'. Complete collection of Russian chronicles. T. XXX. M.: Rukopisnye pamjatniki drevnej Rusi; 2009. S. 147—205.
- L'vovskaja letopis'. In: Complete collection of Russian chronicles. T. XX. M.: Yazyki slavjanskih kul'tur; 2005. 704 p.
- Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszyskiej Rusi*. T. II. Warszawa; 1846.
- Lebedevskaja letopis'. In: Complete collection of Russian chronicles. T. XXIX. M.: Znak; 2009. S. 224—314.
- Supplement to the Nikon Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles. T. XIII. M.: Yazyki russkoj kul'tury; 2000. S. 303—408.
- Vologodskaja letopis'. In: Complete collection of Russian chronicles. T. 37. L.: Nauka; 1982. S. 160—93.
- Dozor'naya kniga Sofijskoj storony Velikogo Novgoroda dozora knyazja Vasiliya Kropotkina 1586 g. Velikij Novgorod vo vtoroj polovine XVI v. Sbornik dokumentov. SPb.: Dmitrij Bulanin; 2001. S. 55—117.
- Manuscript book of the palace village of Paozerje with the villages of writing and measures of Sample Barakov and clerk Bull Mikhailov 7081 (1572—73) g. Manuscript books of the Shelonskaya pyatina XVI century. M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli; 2009. 382 p.
- Zimin A. A. Letopis'cnik Ignatija Zajceva. Kратkie letopis'cy XV—XVI vv. *Istoricheskoj arhiv*. T. V. M.—L.; 1950.
- Koreckij V. I. Sologveckij letopisec konca XVI v. *Letopisi i khroniki*. M.; 1981. S. 223—43.
- Shliching A. News from Moscow, communicated by the nobleman Albert Shliching, on the life and tyranny of the ruler Ivan. Reinhold Geidenstein. *Notes on the Moscow war (1578—1582)*. Albert Shliching. New news about Russia in the time of Ivan the Terrible. Genrich Shladen. On Moscow of Ivan the Terrible. Rjazan': Aleksandrija; 2005. S. 375—8.
- Shladen G. *Notes on Moscow*. T. I. M.: Drevlekhramenice; 2008. 582 p.
- Ust'juzskaja letopis'. Complete collection of Russian chronicles. T. 37. L.: Nauka; 1982. S. 17—103.
- Dozor'naya kniga po svyazjam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571—1577 gg. M.: Izd. dom Maradjani; 2016. 400 p.
- Al'shickij D. N. Unknown letters of Ivan the Terrible. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. T. XII. M.—L.: Izd-vo AN SSSR; 1956. S. 427—30.
- Kobrin V. B. New tsar's decree of 1571 g. on the fight with the plague. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. T. XIV. M.—L.: Izd-vo AN SSSR; 1958. S. 266—7.
- Toffler E. The third wave [*Tret'ya volna*]. Moscow: AST; 2004. 781 p. (in Russian).
- Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth [*Etnogenez i biosfera Zemli*]. Moscow: Ajris-press; Rol'f; 2001. P. 560 (in Russian).
- Levi Stross K. Untamed thought. Totemism today [*Nepriruchennaya mysl' Totemizm segodnja*]. Moscow: Akademicheskij proekt; 2008. P. 143—501 (in Russian).
- Kolycheva E. I. Agrarian system of Russia in the XVI century [*Agrarnyj stroj Rossii XVI veka*]. Moscow: Nauka; 1987. 229 p. (in Russian).
- Sokolovskij P. A. Economic life of the agricultural population of Russia and the colonization of the southeastern steppes before serfdom [*Ekonomicheskij byt zemledel'cheskogo naseleniya Rossii i kolonizacija yugovostochnyh stepej pred krepostnym pravom*]. St. Petersburg: Tip. F. S. Sushchinskogo; 1878 (in Russian).
- Yanicckij O. N. Economic crisis in the Novgorod region of the XVI century (according to scribes) [*Ekonomicheskij krizis v Novgorodskoj oblasti XVI veka (po piscovym knigam)*]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira; 1915. 131 p. (in Russian).
- Grekov B. D. Peasants in Russia from ancient times to the XVII century [*Krest'yanse na Rusi s drevnejshih vremen do XVII veka*]. Book 2. Moscow: AN SSSR; 1954. 470 p. (in Russian).
- Zimin A. A. «The economic crisis» of the 60s — 70s of the 16th century and the Russian peasantry. In: *Materials on the history of agriculture and peasantry of the USSR [Materialy po istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva SSSR]*. Vol. V. Moscow; 1962 (in Russian).
- Kashanov S. M. On the study of the oprichnina of Ivan the Terrible. *Istoriya SSSR*. 1963;(2):96—117 (in Russian).
- Ekkerman V. Materials for the history of medicine in Russia (History of epidemics of the X—XVIII centuries) [*Materialy dlya istorii mediciny v Rossii (Istoriya epidemij X—XVIII v.)*]. Kazan': Tipografiya V. M. Klyuchnikova; 1884. 55 p. (in Russian).
- Dyorbek F. A. History of plague epidemics in Russia from the founding of the state to the present [*Istoriya chumnyh epidemij v Rossii ot osnovaniya gosudarstva do nastoyashchego vremeni*]. St. Petersburg: Tipografiya Ya. Trej; 1905. 385 p. (in Russian).
- Vasil'ev K. G., Segal A. E. History of epidemics in Russia (Materials and essays) [*Istoriya epidemij v Rossii (Materialy i ocherki)*]. Moscow: Gos. izd-vo medicinskoj literatury; 1960. 397 p. (in Russian).
- Supotnickij M. V., Supotnickaja N. S. Essays on the history of the plague. In 2 books. Book 1. Plague of the pre-bacteriological period [*Ocherki istorii chumy. V 2-h kn. Kn. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda*]. Moscow: Vuzovskaya kniga; 2006. 468 p. (in Russian).
- Pskov 3rd Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. V. Is. 2. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 2000. P. 78—250 (in Russian).
- Novgorod second chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. XXX. Moscow: Rukopisnye pamjatniki drevnej Rusi; 2009. P. 147—205 (in Russian).
- L'viv Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. XX. Moscow: Yazyki slavjanskih kul'tur; 2005. P. 704 (in Russian).
- Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszyskiej Rusi*. Vol. II. Warszawa; 1846 (in Polish).
- Lebedev Chronicle. Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. XXIX. Moscow: Znak; 2009. P. 224—314 (in Russian).
- Additions to the Nikon Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. XIII. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 2000. P. 303—408 (in Russian).
- Vologda Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. 37. Leningrad: Nauka; 1982. P. 160—93 (in Russian).
- The patrol book of the Sofia side of Veliky Novgorod, the patrol of Prince Vasily Kropotkin 1586 Veliky Novgorod in the second half of the 16th century. Collection of documents [*Dozor'naya kniga Sofijskoj storony Velikogo Novgoroda dozora knyazya Vasiliya Kropotkina 1586 g. Velikij Novgorod vo vtoroj polovine XVI v. Sbornik dokumentov*]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin; 2001. P. 55—117 (in Russian).
- Scribe book of the palace village of Paozerje with the villages of writing and measures of Sample Barakov and clerk Bull Mikhailov 7081 (1572—73). Scribes of the Novgorod land. Vol. 6. Scribe books of the Shelonskaya pyatina of the 16th century [*Piscovaya kniga dvorcovogo sela Paozer'ya s derevnyami pis'ma i mery Obrazca Barakova i pod'yachego Byka Mihajlova 7081 (1572/73) g. Piscovye knigi Novgorodskoj*

История медицины

- zemli. T. 6. *Piscovye knigi Shelonskoj pyatiny XVI veka*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoj mysli; 2009. 382 p. (in Russian).
23. Zimin A. A. Chronicler Ignatius Zaitsev. Brief chroniclers of the XV—XVI centuries. Historical archive [*Letopischik Ignatiya Zajceva. Kratkie letopiscy XV—XVI vv. Istoricheskij arhiv*]. Vol. V. Moscow—Leningrad; 1950 (in Russian).
 24. Koreckij V. I. Solovetsky chronicler of the end of the XVI century. Chronicles and chronicles [*Soloveckij letopisc konca XVI v. Letopisi i hroniki*]. Moscow: 1981. P. 223—43 (in Russian).
 25. Schlichting A. News from Muscovy, reported by the nobleman Albert Schlichting, about the life and tyranny of Tsar Ivan. Reingold Heydenstein. Notes on the Moscow War (1578—1582). Albert Schlichting. New news about Russia in the time of Ivan the Terrible. Heinrich Staden. About Moscow Ivan the Terrible [*Shlihting A. Novosti iz Moskovii, soobshchennye dvoryaninom Al'bertom Shlihtingom, o zhizni i tiranii gosudarya Ivana. Rejngol'd Gejdenshtejn. Zapiski o Moskovskoj vojne (1578—1582). Al'bert Shlihting. Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. Genrih Shtaden. O Moskve Ivana Groznogo*]. Ryazan': Aleksandriya; 2005. P. 375—8 (in Russian).
 26. Shtaden G. Notes on Muscovy [*Zapiski o Moskovii*]. Vol. I. Moscow: Drevlekhranilishche; 2008. 582 p. (in Russian).
 27. Ustyug Chronicle. In: Complete collection of Russian chronicles [*Polnoe sobranie russkih letopisej*]. Vol. 37. Leningrad: Nauka; 1982. P. 17—103 (in Russian).
 28. Collection of Prince Khilkov [*Sbornik knyazya Hil'kova*]. St. Petersburg: Tip. Br. Panteleevyh; 1879. 631 p. (in Russian).
 29. Ambassadorial book on the ties of the Moscow state with the Crimea 1571—1577 [*Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571—1577 gg.*]. Moscow: Izd. dom Mardzhani; 2016. 400 p. (in Russian).
 30. Al'shic D. N. Unknown messages of Ivan the Terrible. In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature [*Trudy otdela drevnerusskoj literatury*]. Vol. XII. Moscow—Leningrad: Izd-vo AN SSSR; 1956. P. 427—30 (in Russian).
 31. Kobrin V. B. New tsarist charter of 1571 on the fight against the plague. In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature [*Trudy otdela drevnerusskoj literatury*]. Vol. XIV. Moscow—Leningrad: Izd-vo AN SSSR; 1958. P. 266—7 (in Russian).